

Повалюхина Анастасия Николаевна,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет»

E-mail: Anastasia.Povaliukhina@vvsu.ru

Предметом исследования является трансформация политического процесса в Японии после ядерной катастрофы на АЭС «Фукусима-Дайичи», с особым акцентом на взаимодействии общественного мнения, энергетической политики и демократических дебатов. Предметом исследования является так называемый «эффект Фукусимы», понимаемый как перестройка политического дискурса, гражданской активности и институциональных ответных мер, вызванных кризисом. В исследовании используется качественная междисциплинарная методология, сочетающая политический анализ, анализ медийного дискурса и исторический институционализм, подкрепленная критическим изучением академической литературы, политических документов и данных об общественном мнении.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе «фукусимского эффекта» как многомерного явления, охватывающего сдвиги в общественном мнении, трансформации СМИ и институциональные политические меры. Результаты показывают, что антиядерный активизм и меняющиеся общественные настроения оказали ощутимое давление на политическую элиту, способствуя перестройке политики и временному отказу от ядерной зависимости. Эта интерпретация уравнивается признанием институциональной инерции и устойчивости укоренившихся интересов в энергетическом секторе Японии.

Ключевые слова: АЭС «Фукусима-Дайичи», эффект Фукусимы, общественное мнение Японии, антиядерное движение Японии, реформы энергетической политики Японии, атомная энергетика Японии, ядерная политика Японии.

Авария на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 года стала одним из самых серьезных политических и социальных кризисов в послевоенной Японии. Вызванная Великим восточнояпонским землетрясением и последующим цунами 11 марта 2011 года, катастрофа привела к серии ядерных аварий, выявивших значительные уязвимости в японской системе ядерного регулирования и структурах управления кризисами. Помимо непосредственных экологических и гуманитарных последствий, авария на Фукусиме коренным образом изменила динамику общественных дебатов, политическую легитимность и энергетическую политику в Японии. В политологической литературе эти преобразования часто описываются с помощью концепции «эффекта Фукусимы», которая относится к широкому спектру политических, социальных и институциональных изменений, вызванных катастрофой. Крупные катастрофы могут коренным образом изменить общественное восприятие институциональной компетентности и подотчетности государства, тем самым перестраивая отношения между гражданами и политическими [7, с. 214–217]. В японском контексте данный кризис катализировал широкое переосмысление так называемой «ядерной деревни» – тесно взаимосвязанной сети политической элиты, бюрократических учреждений, электроэнергетических компаний и технических экспертов, которые исторически продвигали ядерную энергетику как краеугольный камень послевоенной стратегии развития Японии. До 2011 года эта институциональная структура способствовала поддержанию относительно стабильного политического консенсуса в отношении ядерной энергетики, несмотря на периодические опасения по поводу безопасности и локальное противодействие ядерным объектам.

Катастрофа на АЭС резко подорвала этот консенсус, выявив системные недостатки в регулирующем надзоре и кризисной коммуникации [5, с. 186–188]. Публичные разоблачения, касающиеся захвата регулирующих органов, неадекватных стандартов безопасности и задержек в реагировании правительства, подорвали доверие общественности как к государственным институтам, так и к корпоративным субъектам, особенно к Токийской электроэнергетической компании (TEPCO), оператору АЭС Фукусима [8, с. 367–387]. Эти события стимулировали значительный сдвиг в общественном мнении, поскольку значительные слои японского общества начали переоценивать риски, связанные с ядерной энергетикой, и достоверность официальных источников информации.

В то же время кризис выявил сложную взаимосвязь между общественным мнением и формированием политики в Японии. Опросы общественного мнения, проведенные после 2011 года, неизменно указывали на сильный скептицизм населения в отношении ядерной энергетики, тем не менее политические меры сменяющих друг друга правительств оставались осторожными и постепенными.

С точки зрения политологии в более широком смысле, катастрофа на АЭС Фукусима представляет собой важный пример того, как крупные кризисы могут влиять на демократическое управление. Авария превратила ядерную энергетику из преимущественно технократической области политики в крайне политизированный вопрос, который вовлек граждан, политические партии и средства массовой информации в длительные дебаты [2, с. 97–101]. В этом смысле эффект Фукусимы иллюстрирует динамическое взаимодействие между катастрофическими событиями, медийными нарративами, общественным мнением и политическими институтами. Энергетическая политика Японии исторически формировалась под влиянием глубокой структурной уязвимости, обусловленной ограниченными внутренними природными ресурсами страны. [2, с. 24–26] Это обстоятельство порождало постоянные опасения политиков по поводу энергетической безопасности, особенно в периоды международной нестабильности. Нефтяные кризисы 1970-х годов оказали особенно сильное влияние на ускорение развития атомной энергетики. В ответ на внезапный рост цен на нефть и предполагаемые риски чрезмерной зависимости от импортируемого ископаемого топлива, правительство Японии приняло политику диверсификации энергетического баланса за счет развития атомной энергетики.

В результате тесного сотрудничества между правительственными министерствами, политической элитой и частными энергетическими компаниями сформировалась институциональная основа, поддерживающая эту политику, сформировалась Министерство международной торговли и промышленности (MITI), позже реорганизованное в Ми-

нистерство экономики, торговли и промышленности (METI), которое играло центральную роль в координации развития ядерной энергетики и промышленной политики. Это бюрократическое руководство отражало более широкую модель государственного управления развитием, в которой государственные институты активно направляли стратегические сектора экономики [6, с. 609–614]. В рамках этой модели ядерная энергетика рассматривалась не просто как технологическая инновация, а как национальный проект, необходимый для экономического роста и энергетической независимости. [4, с. 623–630]

Одной из определяющих черт японской ядерной политики стало появление того, что ученые обычно называют «ядерной деревней» (генсирёку мура). Этот термин обозначает тесно взаимосвязанную сеть политических деятелей, бюрократических учреждений, электроэнергетических компаний, научно-исследовательских институтов и средств массовой информации, которые коллективно способствовали расширению ядерной энергетики. Ядерная деревня функционировала как неформальное, но весьма влиятельное политическое сообщество, которое способствовало сотрудничеству между ключевыми заинтересованными сторонами, ограничивая при этом масштабы критических дискуссий [5, с. 182–188]. В сеть входили государственные регулирующие органы, крупные энергетические компании, такие как Токуо Electric Power Company (TEPCO), академические эксперты, специализирующиеся на ядерной инженерии, и политики – особенно в рамках Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) – которые поддерживали дальнейшие инвестиции в ядерную инфраструктуру. Общественное мнение в отношении ядерной энергетики в десятилетия, предшествовавшие аварии на АЭС Фукусима, характеризовалось сочетанием прагматичного принятия и ограниченного участия общественности. В населенных пунктах, где располагались ядерные объекты, иногда возникала локальная оппозиция, но в целом национальные дебаты о ядерной политике оставались относительно сдержанными. Ядерный сектор, как правило, рассматривался как техническая область политики, в которой доминировали эксперты и бюрократы, а не как предмет постоянной общественной борьбы. [1, с. 39–44; 4, с. 625–628]

Этой стабильности способствовали несколько факторов. Во-первых, атомная энергетика широко представлялась как важнейший компонент стратегии экономического развития Японии. К началу 2000-х годов атомные реакторы обеспечивали примерно 30 процентов электроснабжения страны, что укрепляло представление о незаменимости атомной энергии для поддержания конкурентоспособности промышленности и энергетической безопасности. Во-вторых, правительство и энергетические компании вкладывали значительные средства в PR-кампании, призванные успокоить граждан относительно безопасности и преимуществ атомных технологий. Образовательные программы, субсидии местным сообществам и инвестиции в инфраструктуру часто использовались для обеспечения поддержки со стороны местных органов власти, на территории которых располагались атомные электростанции.

Несмотря на этот кажущийся консенсус, в японском обществе сохранялись скрытые противоречия. Доверие общественности к ядерной безопасности периодически подрывалось мелкими авариями, скандалами, связанными с безопасностью, и разоблачениями нарушений со стороны регулирующих органов. [9, с. 117–133; 2, с. 83–85] В частности, авария с критичностью на атомной электростанции Токаимура в 1999 году и последующие инциденты с фальсификацией отчетов о безопасности поставили под сомнение надежность японской системы управления ядерной энергетикой. Хотя эти события не привели к фундаментальному нарушению политического консенсуса в отношении ядерной энергетики, они способствовали постепенному подрыву доверия общественности к регулирующим институтам. Многие граждане рассматривали ядерную энергетику как прагматическую необходимость в стране с ограниченными внутренними энергетическими ресурсами. [1, с. 39–40]. В населенных пунктах, где располагались ядерные объекты, иногда возникали локальные оппозиционные движения, но национальные дебаты о ядерной политике оставались относительно сдержанными. Авария на АЭС Фукусима коренным образом нарушила это равновесие, превратив ядерную безопасность в центральный вопрос национальных политических дебатов.

В течение нескольких месяцев после катастрофы опросы общественного мнения выявили резкое усиление противодействия атомной энергетике. Согласно общенациональным опросам, проведенным крупными японскими СМИ, включая печатные и здания «Асахи» и «Майнichi», большинство респондентов выразили поддержку сокращению или полному отказу Японии от атомной энергетики. Доля граждан, выступающих за постепенный отказ от атомной энергетики, значительно возросла в период с 2011 по 2013 год, что указывает на явное изменение общественных настроений [6, с. 613–615]. Эта трансформация общественных взглядов сопровождалась растущим

осознанием того, что государственные учреждения и электроэнергетические компании не смогли предоставить прозрачную и достоверную информацию во время кризиса.

Подрыв доверия к институтам стал центральным аспектом «эффекта Фукусимы». В случае Фукусимы задержка в распространении информации об уровнях радиации, зонах эвакуации и состоянии реакторов вызвала широкую критику как в адрес японского правительства, так и в адрес TEPCO. Доверие общественности к регулирующим институтам резко упало после того, как стало известно о нарушениях безопасности, неадекватном планировании на случай чрезвычайных ситуаций и тесных связях между регулирующими органами и атомной промышленностью.

Эти события способствовали возникновению беспрецедентной волны гражданской мобилизации. Масштабные антиядерные демонстрации начали появляться в Токио и других крупных городах летом 2011 года. Масштаб этих протестов был примечателен в контексте послевоенной политической культуры Японии, которая часто характеризовалась относительно низким уровнем устойчивой уличной активности [5, с. 190–192]. Ежедневные демонстрации, организованные возле резиденции премьер-министра, в пик своей активности привлекали десятки тысяч участников, что свидетельствовало о расширении политического участия за пределы традиционных институциональных каналов.

Антиядерное движение также отражало растущую роль организаций гражданского общества и низовых сетей в формировании общественных дебатов. Экологические группы, гражданские ассоциации и недавно созданные сети защиты интересов играли важную роль в организации протестов и распространении информации о ядерных рисках. Эти организации часто полагались на децентрализованные коммуникационные стратегии, которые позволяли им быстро и эффективно мобилизовать сторонников [5, с. 43–44]. Такая модель мобилизации представляла собой отход от более ранних форм политического активизма в Японии, которые часто были тесно связаны с устоявшимися политическими партиями или профсоюзами.

Цифровые коммуникационные технологии еще больше расширили охват и влияние этих движений. Социальные сети, такие как «Твиттер», и онлайн-форумы позволили активистам распространять информацию, координировать демонстрации и оспаривать официальные версии событий, связанных с катастрофой. Традиционные СМИ продолжали доминировать в национальной информационной среде, одновременно с этим развитие онлайн-каналов связи способствовало созданию более плюралистической и динамичной общественной сферы. Эти цифровые платформы позволили активистам, независимым экспертам и обычным гражданам обмениваться информацией, которая иногда расходилась с официальными правительственными нарративами. Распространение альтернативных источников информации после Фукусимы способствовало более пристальному общественному контролю за государственной политикой и нормативными актами [2, с. 98–100].

Ученые предложили несколько объяснений этого очевидного несоответствия между общественным мнением и результатами политики. Институциональные факторы, такие как электрокартные стимулы, бюрократическая власть и экономическая значимость энергетического сектора, ограничивали масштабы политических изменений, несмотря на сдвиги в общественном мнении [6, с. 620–622]. Более того, фрагментация антиядерного движения и отсутствие единой политической партии, способной направить эти опасения на достижение электрокартного успеха, ослабили долгосрочное политическое влияние движения.

Несмотря на эти ограничения, катастрофа коренным образом изменила контуры общественных дебатов в Японии. Ядерная энергетика, которую ранее рассматривали как технический политический вопрос, в значительной степени решаемый бюрократическими экспертами, стала предметом пристального общественного внимания и политической борьбы. Эта трансформация иллюстрирует, как кризисные события могут разрушить устоявшиеся политические сети и открыть новые пути для гражданской активности. [7, с. 218–219] В этом смысле антиядерная мобилизация, возникшая после аварии, представляла собой как реакцию на институциональные сбои, так и выражение развивающихся демократических ожиданий в японском обществе.

Катастрофа на АЭС «Фукусима» не просто изменила отношение общественности к ядерной энергетике; она также коренным образом повлияла на динамику распространения информации и медийный дискурс в Японии. Кризис разворачивался в условиях высокой неопределенности, противоречивой информации и быстро меняющихся рисков. В таких условиях роль средств массовой информации как поставщика информации и посредника в общественных дебатах приобрела особенно важное значение. Взаимодействие между традиционными медиа-институтами, новыми цифровыми платформами и правительствен-

ными коммуникационными стратегиями сформировало траекторию общественного мнения в месяцы и годы после катастрофы.

Сразу после ядерной аварии японские средства массовой информации столкнулись со значительными трудностями в освещении развивающейся ситуации на АЭС «Фукусима». Раннее освещение событий в СМИ часто было лимитировано ограниченным доступом к достоверной информации и институциональными практиками японской системы пресс-клубов (киша курабу), которая регулирует отношения между журналистами и государственными учреждениями [5, с. 188–189]. В рамках этой системы репортеры, связанные с крупными медиа-организациями, получают привилегированный доступ к официальным брифингам и информационным каналам, но такой доступ также может способствовать опоре на правительственные источники и препятствовать враждебному освещению событий. Эти институциональные факторы первоначально способствовали относительно осторожному освещению кризиса в СМИ на ранних этапах [7, с. 203–205]. Правительственные чиновники и представители ТЕРСО часто выступали в качестве основных источников информации для журналистов, особенно в отношении уровней радиации, состояния реакторов и политики эвакуации. Такая зависимость от официальных источников не только отражала практические трудности проверки технической информации во время ядерной аварии, но также вызывала критику со стороны части общественности, которая считала, что СМИ недостаточно тщательно проверяли официальные версии событий.

Однако со временем освещение событий в японских СМИ стало более критическим и расследовательским. Крупные газеты, начали публиковать подробные отчеты, посвященные нарушениям нормативных требований, упущениям в области безопасности и тесным связям между государственными регулирующими органами и атомной промышленностью. Эти расследования сыграли важную роль в выявлении структурных недостатков в системе управления атомной энергетикой Японии и способствовали росту общественного скептицизма в отношении официальных гарантий безопасности [2, с. 102–104]. Внимание СМИ к так называемой «ядерной деревне» усилило общественные дебаты и способствовало большей прозрачности в обсуждении политики.

Эти конкурирующие точки зрения способствовали формированию сложного и порой поляризованного общественного дискурса. С одной стороны, журналистские расследования и критические комментарии усиливали требования большей прозрачности и реформы регулирования. С другой стороны, опасения по поводу энергетической безопасности и экономической конкурентоспособности Японии подталкивали к более осторожным взглядам на будущее ядерной энергетики. Таким образом, СМИ одновременно выступали в роли катализатора политических дебатов и в роли сдерживающей силы, уравнивающей конкурирующие политические нарративы.

С более широкой точки зрения политологии, динамика СМИ вокруг катастрофы на АЭС «Фукусима» иллюстрирует центральную роль информационных институтов в формировании демократических дискуссий в периоды кризиса. Способность медиаорганизаций расследовать институциональные сбои и распространять различные точки зрения имеет важное значение для поддержания демократической подотчетности в сложных политических областях [7, с. 218–220]. В японском контексте кризис на АЭС «Фукусима» выявил как сильные, так и слабые стороны медиасистемы страны: хотя журналистские расследования и цифровые коммуникации расширили масштабы публичных дебатов, институциональные ограничения, такие как система пресс-клубов, продолжали влиять на модели информационного потока.

Все это оказало значительное давление на политические институты Японии и заставило их пересмотреть роль ядерной энергетики в национальной энергетической стратегии. Однако политические меры, принятые сменявшими друг друга правительствами, демонстрируют сложное взаимодействие между общественными предпочтениями, институциональными ограничениями и стратегическими соображениями внутри политической системы. Хотя кризис на АЭС «Фукусима» породил сильные антиядерные настроения среди японской общественности, последующая политическая траектория японского государства иллюстрирует ограниченные возможности одного лишь общественного мнения для быстрого или радикального изменения политики в высокоинституционализированных секторах.

Сразу после катастрофы ядерная энергетическая система Японии пережила беспрецедентный сбой. К маю 2012 года все ядерные реакторы страны были постепенно остановлены для проведения проверок безопасности, что стало первым случаем с момента внедрения ядерной энергетики в Японии, когда ни один реактор не работал. Как отмечает Кент Калдер в своей книге «Энергетическая тревога Японии», остановка всего ядерного флота представляла собой чрезвычайный момент в энергетической политике Японии и отражала сильное политическое

давление, вызванное обеспокоенностью общественности по поводу ядерной безопасности [2, с. 95–97]. Опросы общественного мнения, проведенные в этот период, показали подавляющую поддержку либо значительного сокращения использования ядерной энергии, либо полного отказа от ядерной энергетики.

Первоначально правительство Японии отреагировало на эти опасения общественности рядом институциональных реформ, направленных на усиление регулирующего надзора. Одной из наиболее значительных мер стало создание Управления по ядерному регулированию (Nuclear Regulation Authority (NRA) в 2012 году, которое было призвано устранить давнюю критику в отношении захвата регулирующих органов в системе управления ядерной энергетикой Японии. До Фукусимы ответственность за ядерное регулирование была разделена между несколькими ведомствами, включая Агентство по ядерной и промышленной безопасности (NISA), которое действовало в рамках Министерства экономики, торговли и промышленности (METI) – того же министерства, которое отвечало за развитие ядерной энергетики – это создавало структурный конфликт интересов, подрывающий независимость регулирования. Создание Управления по ядерному регулированию (NRA) представляло собой попытку восстановить доверие общественности к способности государства управлять ядерными рисками путем создания более независимой и технически строгой нормативной базы [7, с. 208–210]. Новый орган был передан в ведение Министерства окружающей среды, а не Министерства экономики, торговли и промышленности (METI), и ему были предоставлены расширенные полномочия по обеспечению соблюдения стандартов безопасности, проведению инспекций и определению возможности возобновления работы ядерных реакторов.

Тем не менее политическая дискуссия относительно будущей энергетической стратегии Японии оставалась крайне спорной. Общественное мнение неизменно склонялось к снижению зависимости от атомной энергетики, однако экономические и стратегические реалии, с которыми столкнулась Япония, осложняли усилия по быстрому отказу от атомной энергетики. Сильная зависимость страны от импортируемого ископаемого топлива и экономические издержки, связанные с увеличением импорта энергоносителей, создавали значительное давление на сохранение хотя бы частичной роли атомной энергетики в национальном энергетическом балансе [6, с. 617–619]. Временное закрытие атомных реакторов значительно увеличило зависимость Японии от сжиженного природного газа и угля, что привело к росту цен на электроэнергию и ухудшению торгового баланса.

Смена политического руководства также повлияла на направление энергетической политики после Фукусимы. Демократическая партия Японии (ДПЯ), правившая страной на начальном этапе после катастрофы, заняла относительно осторожную позицию, делая упор на постепенное сокращение использования ядерной энергии, избегая при этом немедленных обязательств по полному отказу от неё. Однако возвращение к власти Либерально-демократической партии (ЛДПЯ) на всеобщих выборах в декабре 2012 года стало важным поворотным моментом в политических дебатах. Правительство ЛДПЯ во главе с премьер-министром Синдзо Абэ заняло более прагматичный подход, отдавая приоритет энергетической стабильности и экономическому восстановлению, одновременно с поддержанием постепенного перезапуска ядерных реакторов, соответствующих новым стандартам безопасности, установленным Управлением ядерной энергетики.

Эта политическая траектория подчеркивает главный парадокс эффекта Фукусимы: хотя общественное мнение резко изменилось в сторону противодействия ядерной энергетике, институциональные и экономические структуры японской политической системы ограничили степень, в которой эти предпочтения привели к решающим политическим преобразованиям. Сохранение ядерных элементов в бюрократических структурах, политических партиях и промышленных сетях обеспечило укоренение ядерной энергетики в более широких экономических и стратегических планах Японии [5, с. 193–195]. В этом смысле ядерное сообщество продолжало оказывать значительное влияние на процессы принятия политических решений.

Одно из главных демократических последствий ядерной политики в Японии заключается в перестройке участия общественности. Фукусимская катастрофа катализировала беспрецедентный уровень гражданской активности, включая массовые демонстрации, низовой активизм и распространение ориентированных на конкретные проблемы организаций гражданского общества. Этот всплеск участия бросил вызов традиционному представлению о японском обществе как о политически пассивном и продемонстрировал скрытый потенциал граждан к мобилизации вокруг актуальных проблем. Однако эта мобилизация носила в основном эпизодический и специфический характер, а не свидетельствовала о устойчивой трансформации в сторону

конфронтационного или протестного политического участия. Следовательно, хотя фукусимский кризис расширил репертуар демократического участия, он не изменил коренным образом основополагающие нормы опосредованного и ориентированного на консенсус политического поведения.

Второе следствие касается роли общественного мнения в формировании политики. Сразу после катастрофы общественное противодействие ядерной энергетике резко возросло, а опросы показали, что большинство поддерживает сокращение или полную ликвидацию атомной энергетике. Этот сдвиг оказал значительное давление на политическую элиту и способствовал временным корректировкам политики, включая приостановку работы ядерных реакторов и введение более строгих нормативных актов. Тем не менее, со временем влияние общественного мнения оказалось косвенным и опосредованным, поскольку политические решения в конечном итоге формировались сочетанием экономических соображений, бюрократической экспертизы и стратегических энергетических потребностей. Эта закономерность отражает более широкую характеристику японской демократии, в которой общественные предпочтения учитываются через институциональные каналы, но редко определяют результаты политики прямым или непосредственным образом.

Всё вышесказанное также подчеркивает центральную роль СМИ в формировании демократического дискурса. На начальном этапе кризиса освещение в СМИ сыграло решающую роль в распространении информации, формировании нарратива о провале правительства и регулирующих органов, а также в усилении общественных опасений. В то же время, медиа-среда демонстрировала ограничения, связанные с опорой на официальные источники и устоявшиеся информационные сети, что влияло как на масштаб, так и на тон репортажей. В результате медиа-институты функционировали как посредники и модераторы демократических дебатов, способствуя повышению осведомленности общественности и одновременно укрепляя существующие модели контроля над информацией и институционального подчинения. Еще одним ключевым аспектом является способность политических институтов поглощать и управлять инакомыслием. Японская политическая система продемонстрировала высокую степень устойчивости в ответ на кризис в Фукусиме, проведя реформы в сфере регулирования, реструктуризацию надзорных органов и участвуя в консультативных процессах с заинтересованными сторонами. Эти действия можно интерпретировать как свидетельство институциональной адаптивности; однако они также иллюстрируют тенденцию системы направлять инакомыслие в процедурные механизмы, тем самым ограничивая ее трансформационный потенциал. Вместо радикального изменения энергетической политики или структур управления кризис привел к постепенным корректировкам, сохранившим основные черты существующего политического и бюрократического порядка.

С более широкой теоретической точки зрения, опыт Фукусимы подчеркивает важность политической культуры в формировании демократических результатов. Культурные нормы, подчеркивающие гармонию, консенсус и уважение к власти, продолжают влиять на то, как граждане формулируют свои требования и как элиты реагируют на них. Даже в контексте крупного кризиса эти нормы способствовали формированию модели взаимодействия, характеризующейся умеренностью, институциональным посредничеством и постепенными изменениями в политике. Это говорит о том, что демократическая отзывчивость в Японии функционирует в рамках культурно обусловленной системы, которая ставит во главу угла стабильность и преемственность, а не быстрые или конфронтационные преобразования. В то же время, эффект Фукусимы не следует интерпретировать исключительно с точки зрения преемственности. Кризис выявил новые тенденции, которые могут иметь долгосрочные последствия для японской демократии, включая возрастающую роль цифровых коммуникаций в мобилизации, диверсификацию субъектов гражданского общества и растущую значимость политики, основанной на конкретных проблемах. Эти события указывают на постепенную эволюцию механизмов демократического участия, даже если они по-прежнему остаются в рамках устойчивых институциональных и культурных ограничений.

И наконец, демократические последствия ядерной политики в Японии отражают сложное взаимодействие между мобилизацией общественности, институциональной адаптацией и культурной преемственностью. Фукусимская катастрофа послужила катализатором для повышения гражданской активности и политических дебатов, но ее долгосрочное воздействие характеризуется постепенными изменениями, а не системной трансформацией. Эта закономерность подкрепляет более широкий аргумент исследования: политический процесс в Японии в первой четверти XXI века лучше всего понимать как систему адаптивной стабильности, в которой культурное наследие и институ-

циональные структуры совместно формируют траекторию политического развития.

Литература

1. ДеВит Эндру, «Энергетическая политика Японии после Фукусимы», Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион»: В центре внимания – Япония 13, № 2 (2015): 39–44; 48–50
2. Калдер Кент Э., Энергетическая тревога Японии: институциональные ответы на аварию на Фукусимской АЭС (Вашингтон, округ Колумбия: Издательство Института Брукингса, 2019), 24–26; 83–85; 95–101; 102–104
3. Кинчи, Эбби, и Элизабет А. Хувер. «Наука и реакция граждан на аварию на Фукусимской АЭС: участие общественности, политика риска и социальные движения в Японии». Наука, технологии и человеческие ценности 39, № 4 (2014): 411–435. DOI: 10.1177/0162243913504306
4. Ким, Сон Ын, и Керри Томас. «Общественное отношение к ядерной энергии в Японии после аварии на Фукусимской АЭС». Энергетическая политика 110 (2017): 623–630. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.016
5. Кингстон Джефф, «Современная Япония: история, политика и социальные изменения с 1980-х годов», 2-е изд. (Малден, Массачусетс: Уайли-Блэквелл, 2020), 182–188; 190–195.
6. Липси Филип Й. и Кушида Кенджи, «Политика энергетике в Японии после Фукусимы», Журнал восточноазиатских исследований 16, № 3 (2016): 609–622 DOI: 10.1017/jea.2016.31
7. Олдрич Дэниел П., «Черная волна: как сети и управление сформировали катастрофу 11 марта в Японии» (Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2019), 199–202; 203–210; 214–220.
8. Уинг Лам, С. и др. «Социальное доверие и политика риска после аварии на Фукусимской АЭС». Международная социология 30, № 4 (2015): 367–387. DOI: 10.1177/0268580915583444
9. Ямамура, Эйзи. «Доверие к правительству после аварии на Фукусимской АЭС: данные из Японии». Общественный выбор 157, № 1 (2013): 117–133. DOI: 10.1007/s11127-012-9944-y

THE FUKUSHIMA DAIICHI NUCLEAR DISASTER AND THE TRANSFORMATION OF JAPAN'S POLITICAL PROCESS

Povalukhina A.N.

Vladivostok State University

The object of the study is the transformation of Japan's political process in the aftermath of the Fukushima Daiichi nuclear disaster, with particular emphasis on the interplay between public opinion, energy policy, and democratic debate. The subject of the study is the so-called "Fukushima effect," understood as the reconfiguration of political discourse, civic engagement, and institutional responses triggered by the crisis. The study employs a qualitative, interdisciplinary methodology combining political analysis, media discourse analysis, and historical institutionalism, supported by the critical examination of academic literature, policy documents, and public opinion data.

The scientific novelty of the study lies in its integrated analysis of the Fukushima effect as a multidimensional phenomenon encompassing public opinion shifts, media transformations, and institutional policy responses. The findings indicate that anti-nuclear activism and evolving public attitudes exerted measurable pressure on political elites, contributing to policy recalibration and a temporary shift away from nuclear dependency. However, this interpretation is balanced by recognition of institutional inertia and the resilience of entrenched interests within Japan's energy sector.

Keywords: Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant, Fukushima effect, Japanese public opinion, Japanese anti-nuclear movement, Japanese energy policy reforms, Japanese nuclear energy, Japanese nuclear policy.

References

1. Andrew DeWit, "Japan's Post-Fukushima Energy Policy," *Asia Pacific Journal: Japan Focus* 13, no. 2 (2015): 39–44; 48–50
2. Daniel P. Aldrich, *Black Wave: How Networks and Governance Shaped Japan's 3/11 Disasters* (Chicago: University of Chicago Press, 2019), 199–202; 203–210; 214–220.
3. Jeff Kingston, *Contemporary Japan: History, Politics, and Social Change since the 1980s*, 2nd ed. (Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2020), 182–188; 190–195.
4. Kent E. Calder, *Japan's Energy Anxiety: Institutional Responses to the Fukushima Nuclear Disaster* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2019), 24–26; 83–85; 95–101; 102–104
5. Kinchy, Abby, and Elizabeth A. Hoover. "Science and Citizen Responses to Fukushima: Public Participation, Risk Politics, and Social Movements in Japan." *Science, Technology & Human Values* 39, no. 4 (2014): 411–435. DOI: 10.1177/0162243913504306
6. Kim, Sung Eun, and Kerry Thomas. "Public Attitudes Toward Nuclear Energy in Japan After the Fukushima Accident." *Energy Policy* 110 (2017): 623–630. DOI: 10.1016/j.enpol.2017.08.016
7. Phillip Y. Lipsky and Kenji Kushida, "The Politics of Energy in Japan after Fukushima," *Journal of East Asian Studies* 16, no. 3 (2016): 609–622 DOI: 10.1017/jea.2016.31
8. Lam, Wing S., et al. "Social Trust and Risk Politics Following the Fukushima Nuclear Accident." *International Sociology* 30, no. 4 (2015): 367–387. DOI: 10.1177/0268580915583444
9. Yamamura, Eiji. "Trust in Government After the Fukushima Nuclear Accident: Evidence from Japan." *Public Choice* 157, no. 1 (2013): 117–133. DOI: 10.1007/s11127-012-9944-y